

— Садись. — Цао Сююань кивком указал на стул напротив.

Лян Сычжэ, поджав губы, выдвинул стул и сел. Перед Цао Сююанем стояла миска тофу, тарелка жареных палочек из теста ютяо. Он, как обычный посетитель, ел завтрак, обмакивая ютяо в тофу. Утренний свет был ярким, воздух свежим, ночная прохлада ещё не уступила место жаре. Сейчас, около семи утра, в лапшичной было немногочленно. Посетители, ожидающие свой заказ, сонно зевали. Никто не узнавал в человеке, поглощающем ютяо и тофу, знаменитого режиссёра Цао Сююаня.

Цао Сююань был одет просто: мятая хлопковая футболка неизвестной марки. Эта лёгкая небрежность не совпадала с образом Цао Сююаня, который держал в голове Лян Сычжэ.

— Что будешь есть? — спросил Цао Сююань.

— То же, что и вы, — стараясь казаться спокойным, ответил Лян Сычжэ.

Цао Сююань подозвал хозяина и заказал Лян Сычжэ такой же завтрак. Пока ждали, он успел съесть свой. Лян Сычжэ ел, а Цао Сююань всё время смотрел на него тем же взглядом, каким смотрел при первой встрече полмесяца назад.

Лян Сычжэ, проглотив еду, выпрямил спину. Он был не из тех, кто пассивно сносит пристальные взгляды. Подняв голову, он посмотрел на Цао Сююаня:

— Вы что-то хотели мне сказать?

— Сначала поешь, — неторопливо ответил Цао Сююань, — потом поговорим.

Лян Сычжэ кивнул и вернулся к еде, хотя аппетит у него пропал. Цао Сююань закурил и, глядя на Лян Сычжэ, думал о юноше, который впервые заставил его колебаться. С точки зрения выбора актёра достоинства и недостатки этого юноши были слишком очевидны. Чжэн Инь был прав: у Лян Сычжэ слишком яркая индивидуальность. Он мог стать актёром, но, чтобы стать хорошим актёром, ему придётся пройти непростой путь. Актёр должен уметь достоверно перевоплощаться в разные образы. Такие актёры, как Чжан Минхань, с менее выраженной индивидуальностью, были идеальны, потому что могли легко превратиться в кого угодно. Но Лян Сычжэ придётся сначала заставить зрителей забыть, что он — Лян Сычжэ, и только потом убедить их, что он полностью перевоплотился в другого персонажа.

«Слишком сложно», — подумал Цао Сююань, глядя на Лян Сычжэ. Он не был уверен, то Лян Сычжэ обладает таким талантом. Конечно, Лян Сычжэ мог бы стать звездой в традиционном понимании, но Цао Сююань не хотел тратить силы на продвижение того, кто будет тянуть фильм на дно.

Однако преимущества Лян Сычжэ были также весьма заметны. Иначе, когда учитель

музыкальной школы показал ему видео с выступлением ансамбля скрипачей, он бы не выбрал Лян Сычжэ из сотни юношей и не привёз бы его в Пекин, узнав, что тот больше не играет на скрипке. Если сначала Цао Сююань выбрал Лян Сычжэ из-за внешности, позже он настоял на поездке в Пекин из-за той встречи в коридоре. В этом юноше он увидел редкую уязвимость. Это была не пустая, поверхностная уязвимость, а закалённая жизненными испытаниями, кажущаяся хрупкой, но на самом деле стойкая, скрытая под твёрдой оболочкой. Она была весомой и ощутимой, живой, способной выдержать пристальный взгляд камеры.

Хотя в наше время никто не сказал бы, что страдания — это хорошо, но люди, пережившие трудности, приобретают особую глубину. Поэтому Лян Сычжэ, испытавший невзгоды, отличался от Цао Е, который их не знал. Они были слишком разными. Цао Сююань смотрел на Лян Сычжэ и думал об этом.

Однако сяо Мань... Сяо Мань не был ребёнком, познавшим много горя. Он рос в бедности, но окружённый заботой. Его уязвимость была хрупкой, ему не нужна была твёрдая оболочка с шипами. Так кто же больше подходит на роль сяо Маня? Даже решительный Цао Сююань сейчас колебался.

Лян Сычжэ доел завтрак, не оставив ни кусочка ютяо, и выпил всю миску тофу. Он поднял голову и посмотрел на Цао Сююаня, ожидая, что тот вынесет окончательный вердикт его судьбе. Он подумал, что Цао Сююань покормил его, как в старину кормили преступников перед казнью.

Цао Сююань выдохнул облачко дыма, стряхнул пепел и, глядя на Лян Сычжэ, сказал:

— У Цао Е есть сценарий. Ты его читал?

— Читал немного, — ответил Лян Сычжэ. «На самом деле, нет. Цао Е прочитал ему несколько отрывков вслух».

— Хм, вернётся и прочитаете вместе, обдумаете роли и подготовитесь к пробам.

Лян Сычжэ опешил и только через некоторое время смог произнести:

— Вы хотите сказать... что я прошёл этот этап прослушивания?

— Да. — Цао Сююань посмотрел на него. — Иначе зачем бы мне приходиться сюда и искать тебя?

Эти слова вызвали у Лян Сычжэ сложную смесь чувств: облегчение и одновременно смятение. Получается, ему действительно предстоит соревноваться с Цао Е? Он не хотел расставаться с сказочной мечтой о кино, но и соревноваться с Цао Е ему тоже не хотелось...

Он взял себя в руки, пытаясь успокоиться, и спросил, глядя на Цао Сююаня:

— Вы хотите, чтобы я соревновался с Цао Е за эту роль?

— Да, я хочу, чтобы вы были конкурентами, — подтвердил Цао Сююань.

Лян Сычжэ помолчал, а затем снова заговорил:

— Я слышал, что этот персонаж изначально был написан с Цао Е, и на прошлой встрече вы, казалось, были больше довольны им.

— Та встреча — это просто пробы. — Цао Сююань потушил сигарету в тарелке. — Кто в итоге будет играть, решит прослушивание. Что касается прототипа, это независимый сценарий, никакого прототипа нет. Ещё вопросы? Задавай.

Лян Сычжэ понял, что это редкая возможность, и, возможно, больше никогда в жизни у него не будет шанса поговорить с таким выдающимся режиссёром с глазу на глаз. Он на мгновение задумался, опустив глаза, поднял голову и серьёзно спросил:

— Не скрою, в прошлый раз я подслушал разговор Чжэн Иня, и я хотел бы знать... правда ли, что я не гожусь в актёры, как он сказал?

Цао Сююань усмехнулся:

— Ты ещё не снимался, откуда мне знать, сможешь ты стать актёром или нет?

Эти слова прозвучали почти презрительно, Цао Сююань не пытался смягчить удар. Лян Сычжэ поджал губы и промолчал.

— Однако, — откинувшись на спинку стула, продолжил Цао Сююань, — если человек ещё не снимался, но все считают, что он не подходит для этой профессии, как ты думаешь, почему?

Лян Сычжэ смотрел на него, не понимая, что тот хочет сказать. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь щели в навесе, падали на лицо Цао Сююаня, делая его похожим на суровую статую. Он был так близко — и в то же время казался таким далёким.

Цао Сююань, опершись локтями о стол, наклонился вперёд, сокращая расстояние между ними, и тихо сказал:

— В актёрском мастерстве такой человек, как ты, либо безнадёжен, либо станет гением.

Лян Сычжэ слегка опешил, не зная, что ответить.

Цао Сююань, прищурившись, посмотрел на него:

— Мне тоже очень интересно, кем станешь ты. — С этими словами он встал, и ножки стула проскрежетали по цементному полу.

Лян Сычжэ очнулся и тоже поднялся.

Цао Сююань зашёл в лапшичную, расплатился за завтрак, вышел с пакетом еды в руках и протянул его Лян Сычжэ:

— Отнеси это Цао Е.

— Хорошо. — Лян Сычжэ взял пакет.

Цао Сююань посмотрел в сторону и добавил:

— Не обращай внимания на то, что он сказал. Он не встречал таких актёров, как ты, и это значит, что ты уникален в мире кино. Это хорошо.

— Угу, — тихо ответил Лян Сычжэ, — спасибо вам.

— Жди новостей о прослушивании, — сказал Цао Сююань и ушёл.

Лян Сычжэ стоял и смотрел ему вслед, пока тот не свернул с улицы Иньсы.

Обратный путь в «Лазурную вечеринку» был совсем другим. Лян Сычжэ чувствовал себя немного легче, хоть и не мог избавиться от смутения. По крайней мере, у него было время подумать и прийти в себя, ему не нужно было сразу же сталкиваться с горечью поражения. Слова «честная конкуренция» из уст самого Цао Сююаня звучали куда убедительнее, чем от кого-либо другого.

Цао Сююань обладал какой-то особой харизмой, которая заставляла его верить. Он не был похож на других взрослых, которых знал Лян Сычжэ. Он производил впечатление упрямого, резкого, непреклонного человека. В нём чувствовалась некая заносчивость, но он даже не пытался скрыть её за маской вежливости, а просто позволял этим качествам быть.

«Наверное, так и должны вести себя гении, — подумал Лян Сычжэ. — Но, если это действительно честная конкуренция... Как же нам общаться с Цао Е? Сможем ли мы вместе читать сценарий, вместе работать над ролью, как сказал Цао Сююань?»

Лян Сычжэ прошёл через множество соревнований. Место первой скрипки в оркестре,

возможность представлять школу на национальном конкурсе скрипачей — всё это он завоевал в борьбе. Те, кто не мог занять место первой скрипки, оставались в тени. Никто лучше него не знал, как жестока может быть конкуренция.

Когда он вернулся в комнату, Цао Е уже проснулся и сидел на кровати, сонно потирая глаза. Услышав, как открылась дверь, он повернулся к Лян Сычжэ и хрипло спросил:

— Куда ты ходил?

— Ты чего так рано встал? — Лян Сычжэ закрыл за собой дверь, поставил завтрак на стол и как можно более непринуждённо сказал: — Ко мне приходил твой отец.

— Мой отец? — Цао Е широко раскрыл глаза, выглядя удивлённым. — Зачем он тебя искал?

Лян Сычжэ подошёл к своей кровати и сел.

— Он сказал, чтобы мы готовились к следующему этапу прослушивания.

— О... — Цао Е сонно заморгал, а затем его удивление быстро сменилось радостью. — Значит, он хочет, чтобы мы вместе читали сценарий? Я так и думал! Теперь ты наконец-то сможешь его прочитать, да?

— Ага, — ответил Лян Сычжэ, улыбаясь. — А я уже думал, что не прошёл прослушивание.

— Как такое возможно?! Если ты не пройдёшь, кто тогда пройдёт? Не стоит себя недооценивать, Сычжэ-гэгэ [1].

[1] 妄自菲薄 (wàngzì fěibó) недооценивать себя, принижать свои достоинства (идиома).

— Ты знаешь довольно много идиом. — В разговоре с Цао Е он всегда расслаблялся. Напряжение, которое он чувствовал в присутствии Цао Сююаня, быстро исчезло. Лян Сычжэ засмеялся. — Ты разве не за границей рос?

— Я маленький принц идиом, одарённый от природы! Ой, я случайно придумал ещё одну идиому!

Лян Сычжэ рассмеялся. Цао Е тоже засмеялся, а потом, подумав, сказал:

— Мой отец, конечно, тот ещё сухарь, но это, пожалуй, можно считать его преимуществом. Он точно не будет делать мне поблажек только потому, что я его сын. Сценарий мне тайком подсунил дядя Инь. Иногда мне кажется, что он мне как родной отец. Если бы я не был так

похож на своего отца... — Он повернулся к Лян Сычжэ. — Эй, ты как думаешь, мы с отцом похожи?

— Немного, — изучив его лицо, ответил Лян Сычжэ. — Сходство есть.

— Вот видишь... Значит, я точно его сын. Но почему он приехал и даже не зашёл ко мне?..

— Он... выглядел довольно занятым, — невольно солгал Лян Сычжэ. На самом деле, он не заметил, чтобы Цао Сююань был сильно занят.

— А, он всегда занят. — Цао Е опустил голову и потёр лицо руками. — Но мог бы и пару шагов сделать.

— Он хотел зайти, но услышал, что ты спишь, и... не стал. — Впервые в жизни Лян Сычжэ кого-то утешал. Чтобы подтвердить свои слова, он не очень уверенно кивнул в сторону стола. — Он даже специально попросил меня принести тебе завтрак.

— Правда? — Цао Е убрал руки от лица и посмотрел на стол. — Это он мне купил? Он что, такой заботливый?

Лян Сычжэ сидел на кровати и смотрел на него. Волосы Цао Е были растрёпаны и торчали в разные стороны, на щеках ещё не до конца исчезли следы от подушки, а глаза вдруг заблестели, как у ребёнка, которому дали конфету.

— Да, он специально попросил меня принести его тебе, — сказал Лян Сычжэ.

— Он ещё что-нибудь говорил? — Цао Е повернулся к нему с ожиданием в глазах. — Что-нибудь ещё упоминал?

— Он ещё сказал... — Лян Сычжэ не мог заставить себя сказать правду, боясь, что это выражение исчезнет с его лица, и снова солгал. — Он ещё спросил, не жарко ли тебе в эти дни.

— Правда? — Смешанное с удивлением и радостью ожидание на лице Цао Е стало ещё сильнее. — А ещё?

— Да, он сказал, что помнит, как ты боишься жары... — медленно произнёс Лян Сычжэ, лихорадочно соображая, какую ещё ложь придумать, чтобы не разочаровать эти сияющие глаза.

— А потом? — Цао Е нетерпеливо ждал продолжения.

Лян Сычжэ разом выпалил всю несказанную за жизнь ложь. Он не знал, что ещё сказать, но яркое, живое ожидание на лице Цао Е не давало ему остановиться. Сжав зубы, он продолжил:

— Потом... он сказал, что через пару дней пришлёт кого-нибудь установить кондиционер, — сказав это, Лян Сычжэ чуть не прикусил язык.

— О небеса, он точно мой отец?! — воскликнул поражённый Цао Е. — В него что, дядя Инь вселился?

Лян Сычжэ промолчал. Он чувствовал, что сам себе вырыл огромную яму и теперь ломал голову, как её засыпать.

— Он правда так сказал? — Цао Е взволнованно повернулся и сел лицом к Лян Сычжэ.

— Посмотрим, пришлёт ли он кого-нибудь установить кондиционер. — Лян Сычжэ отвернулся, избегая его восторженного, сияющего взгляда, опасаясь, что его обман раскроется. Ему было ужасно неловко от собственной лжи.

— Ура! У нас скоро будет кондиционер! — радостно закричал Цао Е и спрыгнул с кровати.

— Ага, давай скорее умывайся и завтракай, — поторопил его Лян Сычжэ. Сейчас он хотел только одного: спокойно подумать в одиночестве. Ему казалось, что Чжэн Инь вселился не в Цао Сююаня, а в него самого.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130251>